

Андрей НЕЧАЕВ:

«У МЕНЯ ЕЩЕ ЕСТЬ ВРЕМЯ...»

А. А. Нечаев – широко известен в финансовых кругах, блестящий ученый-экономист, обладающий при этом обаянием и незаурядным чувством юмора, умеющий в доступной форме преподнести сложнейшую экономическую информацию, любезно согласился ответить на вопросы нашего журнала.

– **Андрей Алексеевич, чем занимается Банк «Российская финансовая корпорация», который Вы возглавляете?**

– Традиционные банковские услуги. Плюс мы активно работаем на рынке ценных бумаг практически со времени создания корпорации в 1993 году. Сейчас одно из главных направлений нашей деятельности – это доверительное управление. То есть мы берем в управление деньги клиентов и вкладываем их в российские ценные бумаги. Я считаю, что российская финансовая компания должна работать, прежде всего, на российском рынке.

– **Почему? Только из-за того, что она российская? Или на сегодняшний день еще невыгодно размещать свои акции за рубежом, так как это не будет приносить желаемой прибыли?**

– Для того чтобы играть на западном рынке, надо очень хорошо его

знать. Поэтому я считаю, что тем клиентам, которые хотят вкладывать в акции западных компаний, лучше выбрать в качестве управляющей компании западный банк. А мы себя считаем все-таки профессионалами на российском рынке, поэтому мы работаем именно с российскими акциями. И обеспечиваем нашим доверителям неплохой доход. Тем более что сейчас этот рынок, несмотря на все потрясения, в целом достаточно бурно развивается, на нем становится все больше ликвидных акций, и все больше средств приходит на российский рынок, поэтому мне он кажется очень перспективным. На нем интересно работать и нам, и соответственно нашим клиентам. Кроме того, мы предлагаем весь традиционный спектр услуг, которые предлагает банк. Исторически корпорация также активно занимается инвестиционным консалтингом, то есть содействует в реали-

зации инвестиционных проектов или, как я это называю, осуществляет инвестиционное сводничество. Наш опыт показывает, что если проект того заслуживает, то, как правило, на него удастся найти деньги. Другое дело, что он должен быть правильно составлен, правильно оценен, правильно, если хотите, упакован, как любой товар, который продается. Так вот, мы пытаемся выступать таким посредником между потенциальным инвестором и соискателем инвестиций.

– **Андрей Алексеевич, на Ваш взгляд каким образом должны быть построены взаимоотношения между властью и бизнесом? Существует ли идеальная модель таких взаимоотношений?**

– Есть разные концепции участия государства в экономике, начиная от радикально-либеральных, согласно которым государство должно создать

правила игры, следить за их выполнением и больше вообще не вмешиваться в экономику. Примерно так живут современные США и Британия. Есть подходы, предполагающие более активное участие государства, в частности, путем стимулирования спроса, государственных инвестиций, регулирования рынка. И эта теория реализовывалась на практике. В частности, Америка во времена преодоления Великой депрессии пользовалась рецептами Джона М. Кейнса, в соответствии с которыми государство очень активно участвовало в экономике. Но можно участвовать как рыночный игрок, а можно участвовать как монополист. Вот такого, пожалуй, нет нигде, кроме современной России и некоторых других государств на постсоветском пространстве. И мне кажется, что идеальная схема, конечно, если она вообще возможна, – взаимодействие государства и бизнеса, при котором государство создает условия для развития бизнеса и при этом выполняет те задачи, которые, собственно, положены государству, то есть решает какую-то часть социальных проблем, естественно, проблемы безопасности, обороны, поддержания правоохранительной системы, судебной системы, которая при этом должна быть независима от других ветвей власти.

На сегодняшний день наша большая беда состоит в том, что мы пока не создали судебную власть, которая была бы не коррумпирована и не ангажирована другими ветвями власти и при этом была бы высокопрофессиональна. Две главные, наверно, беды российского государства – это ужасающий уровень коррупции и ужасающий уровень бюрократизации экономики, что, в общем, разные стороны одной и той же медали. И вот этот ужасающий уровень административного давления на бизнес и связанной с ним коррупции – это, конечно, главное препятствие сейчас для экономического роста в России. И это не только моя оценка. Некоторое время назад, Министерство экономического развития и торговли проводило исследование. Опрашивалось порядка двухсот крупных иностранных компаний, которые давно работают в России. Они назвали пять основных препятствий для экономического роста в России, для инвестиций в Россию. На первое

Нечаев Андрей Алексеевич

НЕЧАЕВ Андрей Алексеевич – президент Банка «Российская финансовая корпорация», председатель совета директоров «Единой национальной страховой компании». Старшина и член Совета Попечителей Московского Английского клуба. Доктор экономических наук, профессор Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова, академик Российской академии естественных наук, Академии обороны, безопасности и правопорядка и Международной академии информатизации. Автор 20 монографий и более 250 научных и публицистических статей по вопросам развития экономики.

Родился в 1953 году в Москве. В 1975 году окончил экономический факультет МГУ им. Ломоносова, а в 1978 году – аспирантуру МГУ.

С 1979 года работал в экономических институтах Академии наук СССР, был заместителем директора по научной работе Института экономической политики.

В 1991 году вошел в состав рабочей группы по разработке программы экономических реформ, возглавляемой Егором Гайдаром. В ноябре 1991 года был назначен первым заместителем министра экономики и финансов, а в феврале 1992 года, после разделения министерства – министром экономики и членом Совета безопасности России. В марте 1993 года ушел в отставку из-за несогласия с проводившейся экономической политикой.

Создал и возглавил Российскую финансовую корпорацию.

Известный общественный деятель, вносящий значительный вклад в формирование основ экономической политики и в развитие предпринимательства в России. В 1996–2000 годах входил в Политический консультативный совет при президенте России, а в 1997–2003 годах в научный совет при Совете безопасности России. Несколько лет был сопредседателем "Круглого стола бизнеса России", членом Экспертного совета при губернаторе Московской области. Один из основателей Российского экономического форума. В настоящее время член экспертно-консультативного совета при председателе Счетной палаты РФ, член Национального экономического совета, член Попечительского совета и координатор Российского национального бюро российско-германских молодежных обменов, член федерального политсовета партии Союз правых сил, председатель комиссии по поддержке малого и среднего предпринимательства СПС, член Президиума движения «Развитие предпринимательства», член правления Ассоциации частных и приватизируемых предприятий. Член Попечительского совета Московского бизнес-клуба «Собрание». С 1994 года Андрей Нечаев возглавляет Московский финансовый клуб.

Награжден государственными медалями в честь 850-летия Москвы и за заслуги в проведении всероссийской переписи населения. Имеет звание «Почетный работник Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации». Награжден нагрудным знаком Госкомстата России «За активное участие во Всероссийской переписи населения 2002 года», знаком «За отличие» Главного управления Вневедомственной охраны МВД России и нагрудным знаком «200 лет МВД России».

Известный публицист, активно выступает в средствах массовой информации по актуальным вопросам развития экономики. Автор и ведущий программы «Денежный вопрос» на ТВЦ и программ «Финансовый клуб» и «Финансист» на радио «Маяк». Обозреватель журнала «Деловые люди», экономический эксперт радио «Русская служба новостей», «Эхо Москвы», «Радио России», телеканала «РБК-ТВ» и ряда других теле- и радиоканалов, газет и журналов. Член наблюдательного совета «РБК-ТВ». Член Союза журналистов России с 2002 года. Лауреат общественной профессиональной премии журналистов «Лучшие перья России».

Лауреат национальной общественной премии «Общественное признание» и почетного знака «Лидер российской экономики» за 2003 г. и за 2004 г., награжден общественным орденом «Слава России», награжден международным дипломом Почетного сертифицированного бухгалтера и аудитора (2005 г.) и международной медалью «За финансовые достижения» (2006 г.) и другими общественными наградами. Международное издание Who Is Who включило А.А. Нечаева в число наиболее известных людей XX века. В результате интернет-голосования избран «Человеком-года с трубкой 2005».

Андрей Нечаев женат. Его супруга Светлана – актриса, дочь Ксения – журналист, приемная дочь Саша – студентка РАТИ. Имеет внука и внучку.

Увлечения: политика, публицистика, история, театр, путешествия, работа в саду.

место административные барьеры и коррупцию поставили 93 процента опрошенных. Можно привести массу других цифр, которые это иллюстрируют. Опять-таки даже по официальной оценке МЭРТ – а понятно, что чиновникам всегда неприятно оценивать самих себя слишком критично, но, тем не менее, наш малый и средний бизнес тратит на преодоление административных барьеров не менее 10 процентов выручки. Это колоссальная цифра, это фактически дополнительное налогообложение, сопоставимое с легальным налогообложением.

– Как справиться с этой бедой? Удастся ли нам бороться с коррупцией?

– Понимаете, любому государству совсем коррупции не избежать. Но в демократических государствах масштабы, конечно, совершенно несопоставимы с нашими. В таких государствах есть реальные выборы, где чиновник знает, что завтра он может быть и не избран, как правило, это является очень сильным мотивом для того, чтобы работать не на себя, а на своих избирателей. Как показывает мировой опыт, в том числе и современный, искоренить коррупцию нельзя, но кардинально уменьшить ее масштабы, безусловно, можно. Для этого нужна сильная политическая воля. Правящая элита, правящий класс, высшее руководство страны должны осознать, что коррупция угрожает их собственному будущему. Вот тогда эта воля будет проявлена. Видимо, у нас пока такое осознание не наступило. Хотя, разумеется, должна меняться и вся ментальность общества. А потом есть еще такое простое, как бы техническое средство: наряду с тем, что мздоимство надо выжигать каленым железом, приравнять взятки к государственному преступлению серьезного масштаба, параллельно нужно обеспечить публичный и конкурсный характер всех процедур, связанных с использованием государственных ресурсов, прежде всего бюджетных средств. А у нас по-настоящему открытый конкурс составляет лишь малую долю процента, а все остальное распределяется так, на междусобойчиках. Это первый момент. Второй момент – максимальная открытость всех других процедур. И третий момент – это максимальное

На форуме финансовых директоров 2004 год

количество законов прямого действия и ясных однозначных инструкций, которые не допускают двоякого толкования. Ну, и самое главное – это все-таки сокращение разного рода разрешительных, распределительных, контрольных и прочих функций государства. Тогда чиновнику нечего будет делить, разрешать, запрещать или контролировать – ему просто никто не будет давать взятки: не за что. Поэтому средства есть, было бы желание и политическая воля их применять.

– Андрей Алексеевич, могут ли совпадать приоритеты государства и бизнеса?

– Приоритеты бизнеса и государства полностью совпадать не могут. Главным приоритетом нормального бизнеса является зарабатывание денег, получение прибыли. Другое дело, что должны быть четко установлены правила игры и разделение функций между государством и бизнесом. Мне представляется, что все разговоры о социальной ответственности бизнеса – это некое лукавство. Главная социальная ответственность бизнеса – это создание рабочих мест, выплата достойной заработной платы, которая позволила бы человеку самому решать свои социальные проблемы. И третье – уплата налогов для того, чтобы государство могло решать свои проблемы в интересах всего общества. Я акцентирую внимание на последнем, потому что, к сожалению, у нас государство сейчас воспринимается

как очень выгодный бизнес. Большой приток кадров в государственный аппарат на сегодняшний день объясняется тем, что работа формально на государство превратилась просто в такую форму личного бизнеса – именно за счет коррупции, управления государственной собственностью и распределения государственных ресурсов. Для того чтобы бизнес честно платил налоги, они должны быть посильными, плюс нормальные процедуры налогового администрирования, плюс максимальная прозрачность использования бюджетных средств в интересах общества. Налогоплательщик хочет и должен знать, на что тратятся его деньги.

– Как Вы относитесь к необходимости снижения одного из основных налогов – налога на добавленную стоимость?

– Какой налог снижать – это, если хотите, вопрос технический. Мне кажется, что в первую очередь надо снижать, конечно, единый социальный налог, точнее говоря, налоги на заработную плату. Это достаточно серьезно будет стимулировать вывод ее из тени. Мы сами уже имеем такие примеры: введение плоской шкалы подоходного налога привело к резкому повышению его сбора. Отчасти это произошло за счет того, что растут денежные доходы населения, в том числе заработная плата; но отчасти, я уверен, потому, что люди стали этот налог платить. Не уклоняться любым

способом, а платить. И рост сборов колоссальный. И это является хорошим подтверждением того, что если налоги будут разумные и посильные, то любой нормальный бизнесмен предпочтет их платить, а не уклоняться легальными и нелегальными способами. А уж с оставшимися неисправимыми «уклонистами» государство должно бороться всей мощью своего фискального и силового аппарата. И здесь важны не только ставки налогов, но и правила определения налоговой базы, которые у нас, конечно, кардинально отличаются от западных.

Скажем, по оценке экспертов американских компаний, которые работают в России, если мы сравним правила формирования налоговой базы по налогу на прибыль в США и у нас, то де-факто у нас ставка налога окажется в полтора раза выше номинальной. Таких примеров я могу привести массу. Используемые у нас нормы, которые разрешают относить на расходы, уменьшающие налоговую базу по прибыли, не как во всем мире нормальные деловые расходы – обоснованные, разумеется, документально подтвержденные, ничего, кроме смеха сквозь слезы вызвать не могут. Это касается и процентов по кредитам, и амортизации, и представительских расходов, и расходов на рекламу, и командировочных расходов, и огромного количества других расходов, которые можно списывать на себестоимость не в соответствии с традициями делового оборота, а в соответствии с какими-то там установлениями чиновников. И тот же подоходный налог. Очень хорошо, что у нас теперь появились так называемые социальные вычеты. Но, во-первых, они смехотворны по суммам, а во-вторых, например, для того чтобы списать затраты лекарства, нужен человек с большим количеством свободного времени и очень крепкими нервами. Или имущественные вычеты. Почему миллион рублей за жилье можно вычесть? За миллион рублей в Москве нельзя купить даже комнату в коммуналке. Смеху подобно. И таких примеров можно, еще раз говорю, привести много. Любой практикующий предприниматель приведет десятки примеров, что у нас правила определения налоговой базы в значительной степени девальвируют то номиналь-

ное снижение ставок, которое государство в последнее время проводило. Плюс налоговое администрирование, то есть процедуры сбора налогов, в рамках которого права налогоплательщика и налогового органа абсолютно не равны. И презумпция невиновности, которая де-юре присутствует в налоговом кодексе, де-факто она, конечно, не выдерживается. Даже сам президент назвал действия наших налоговых органов налоговым рэкетом. В.В. Путиным были даны указания внести соответствующие изменения в Налоговый кодекс РФ, которые хоть как-то бы поворачивали налоговое администрирование лицом к налогоплательщику. Но пока воз и ныне там.

– Как Вы оцениваете экономические итоги ушедшего года? Какую бы Вы дали оценку экономическим программам, проводимым правительством? Каковы, на Ваш взгляд, перспективы экономического развития страны в наступившем году?

– Приведу вам такой пример. В свое время чемпион мира по шахматам Алексей Алексин любил со своими попутчиками в поезде проделывать такую шутку: если кто-то его не узнавал, он садился с ними играть в шахматы. Естественно, довольно быстро доводил позицию противников до проигрышной. Тот говорил: «Ну, все, надо сдаваться». «Да что вы, у вас

замечательная позиция. Хотите, я вам докажу?» – переворачивал доску; но, поскольку он играл блестяще, то он очень быстро доводил эту позицию до выигрышной. Потом опять: «На самом деле она только кажется выигрышной», – он еще раз переворачивал доску и еще раз доводил проигрышную позицию партнера до выигрышной. Поэтому, я бы сказал, все зависит от того, оптимист вы или пессимист и вообще с какой стороны Вы смотрите на все это. Если придерживаться формальных критериев, то развитие более чем успешно. У нас по итогам года порядка 6,5% рост валового внутреннего продукта – это один из самых высоких показателей в мире, если мы не берем, скажем, Китай и Индию. Среди развитых стран так точно. У нас достаточно высокий рост доходов населения, даже с поправкой на инфляцию, т.е. рост реальных доходов. У нас был в этом году рекордный приток иностранных инвестиций и приток капитала в целом превышал его отток. В России огромный рост золотовалютных резервов, по которым мы вышли на четвертое место в мире. У нас практически идеальная ситуация с бюджетом. Опять-таки все зависит от того, как вы смотрите на эту ситуацию. Вот мы расплатились со всеми долгами Парижскому клубу; у нас более двух триллионов, а к концу следующего года будет порядка четырех триллионов Стабилизацион-

Со штурвалом: всегда за рулем

Родители: Нечаевы старшие сыном довольны

ный фонд. У нас устойчивый и огромный профицит бюджета и т.д. Но с другой стороны, если посмотреть на эту же ситуацию глазами пессимиста, – а говорят, что пессимист – это просто хорошо информированный оптимист, – то можно сказать, что все это благополучие держится на хороших ценах на нефть, и во многом это будет правда. И если, не дай Бог, цены упадут, то нам может не хватить никакого Стабилизационного фонда; а в худшем варианте произойдет то, что произошло с Советским Союзом, который тоже последние годы – а, точнее говоря, 70-е и начало 80-х – базировал свое относительное благополучие и относительную социальную стабильность именно на высоких ценах на нефть. А потом все развалилось в течение нескольких лет, когда цены на нефть резко упали. Можно вспомнить, что мы много лет «перевыполняем» планы по инфляции. То есть правительству ни разу за последние пять лет не удалось добиться декларированной цифры роста цен – они все время оказывались выше, даже по официальным оценкам, хотя любая домохозяйка скажет, что реальный рост цен гораздо выше, чем то, что показывает Российское статистическое ведомство. Но самое главное – что вот это относительное благополучие, базирующееся на нефти, породило у власти, у правительства иллюзию, что можно ничего не делать. Поэтому, к сожалению, в отличие от первого срока президента

Путина, когда были проведены достаточно серьезные реформы, сейчас они застопорились, а кое-где и пошли вспять. В начале были и серьезные попытки реформировать пенсионную систему, и при всех гигантских претензиях к ней, но все-таки была реально проведена налоговая реформа, ряд других институциональных реформ. Сейчас, если не считать крайне неудачной, крайне неряшливой, я бы сказал, когда реализация дискредитирует саму абсолютно правильную идею – реформы, связанной с монетизацией льгот, которая и то не была доведена до конца на самом деле, практически все реформы застопорились. Пенсионная реформа отыграна назад; реформа жилищно-коммунального хозяйства де-факто свелась к повышению тарифов и целый ряд других, абсолютно необходимых стране реформ – они фактически заморожены. Отчасти это связано, наверное, с нежеланием власти проводить какие-то непопулярные меры после того, как она обожглась на монетизации льгот; отчасти связано с тем иллюзорным благополучием, которое мы сейчас вкушаем благодаря хорошей внешнеэкономической конъюнктуре. Это, наверное, самая главная наша беда. И в этом смысле, думаю, что 2007 год будет, в общем, продолжением или, если хотите, повторением 2006-го. Я не жду никаких глубинных потрясений, но и, к сожалению, никаких реальных рывков вперед тоже.

– Андрей Алексеевич, Вы в свое время были первым министром экономики новой России. Как Вы с позиции сегодняшнего дня оцениваете свою деятельность на посту главного экономиста страны? Что удалось сделать, и с чем Вы не смогли справиться?

– Мне кажется, самое главное, что удалось сделать тогда, – это удалось предотвратить реальное в тот момент сползание страны к хаосу, голоду, холоду и гражданской войне. Последнее еще и с учетом того, что это была страна с ядерным оружием. Мы, к счастью, не повторили опыт Югославии – а он был абсолютно реален, но в российском варианте, повторяю, в стране с ядерным оружием, о чем очень многие наши критики забывают. Именно этим были продиктованы многие решения. Россия реально находилась на грани краха и развала. Могу привести сотни цифр, иллюстрирующих этот тезис. Посмотрите книгу Егора Тимуровича Гайдара «Гибель империи», где просто приводятся документы, последних лет и месяцев существования советского правительства – они очень красноречивы. Когда в справке Комитета государственной безопасности высшему руководству страны написано, что имеющиеся ресурсы позволяют снабжать Москву хлебом в пределах 250 граммов на человека. Это норма блокадного Ленинграда. Мне кажется, больше иллюстраций не нужно. И это в конце августа. В конце ноября все было гораздо хуже. Нам достаточно радикальными рыночными преобразованиями удалось угрозу голода и остановки производства снять. Не наша вина, что Советский Союз развалился, к этому его привел предыдущий коммунистический режим своей абсолютно авантюристической, особенно в последние годы, экономической политикой, и нам пришлось расхлебывать эту кашу. Нам удалось организовать цивилизованный развод с другими республиками. Еще раз повторяю: опыт Югославии мог быть и российским опытом тоже. И распад самой России был абсолютно реален. Мне лично пришлось тогда вести многочасовые дискуссии с руководителями ряда республик, которые всерьез претендовали или на выход из России, или, как минимум, на особое по-

ложение в составе России. Например, претендовали на использование только в интересах той или иной республики всех ее ресурсов, в частности, нефти, или настаивали на одноканальной системе налогов, при которой все налоги собираются в пользу региона, а он какую-то часть выделяет федеральному центру, делая его полностью зависимым. Не буду называть эти республики, но они сами знают, кто, когда на что претендовал. Этого тоже, к счастью, удалось избежать. Но это как бы латание дыр, только, я повторю, латание дыр, отсутствие которого вообще могло стоить нам страны.

Было и серьезное продвижение по пути создания нормального рыночного хозяйства. Более того, основа многих нынешних достижений была заложена именно тогда. Собственно говоря, в тот период созданы реальные основы рыночной экономики и появился класс предпринимателей – пусть сначала в какой-то раздражавшей нас всех форме, но он появился. И сейчас он кормит страну, как это ни пафосно звучит. Появился класс фермеров. Но появилось, наверное, самое главное – это то, что экономику и в значительной степени собственную жизнь стал определять сам человек, потребитель. Он предъявлял платежеспособный спрос и получал те товары, которые он хотел получить. А другие люди начинали их производить, импортировать, доставлять, реализовывать и т.д. И это нормальная экономика, а не экономика, которая живет по законам, которые придумываются некими, пусть даже очень талантливыми, профессиональными и умными дядями в Госплане, Госнабе и Государственном комитете по ценам. То есть мы повернули экономику лицом к потребителю. И именно потребитель стал определять, что, собственно, должно вообще-то происходить в экономике, а не тот, кто планировал какие-то там нормы вплоть до последней иголки. И согласитесь, что видимые подтверждения этому налицо. Пройдите по нашим городам – они по-другому выглядят. Сегодня почти никто и не вспоминает девственно чистые полки магазинов в конце 91-го года. Сейчас вы можете купить не только в Москве, но даже в небольшом городе практически все то же, что вы можете купить в любом го-

роде Европы, Америки, Азии – с поправкой на национальную составляющую. Гигантские объемы индивидуального жилищного строительства все 90-е годы – разве это замечательно? Россияне за эти годы купили многократно больше автомобилей, чем за всю историю советской власти. Десятки миллионов людей имеют возможность ездить за границу. И основы всего этого были заложены тогда. Именно тогда это все начиналось. Мы сейчас всерьез говорим о полной конвертируемости рубля, о том, что он будет востребован в мире. И имеем к этому основания. Напомню, что нормальная конвертируемость внутри страны была введена нашим правительством в 92-м году. Тогда появились первые обменники и был сделан первый, главный шаг к реальной конвертируемости. Сейчас это уже так – милые хлопоты.

– Как Вы считаете можно ли сравнивать такие понятия, как реформа и национальный проект? Есть ли между ними что-то общее?

– По-моему, разница кардинальная. Серьезная реформа – это создание, если хотите, самодостаточных и самовоспроизводящихся механизмов. А национальный проект – это некоторая частность, пусть даже в важных областях. Но меня, к сожалению, не покидает ощущение, что эта затея имеет немножко предвыборный оттенок, хотя и долгосрочный. Плюс – как показывают последние скандалы – с большим элементом желания не-

множко потратить государственных денег и иногда и для себя лично.

Например, нам нужна кардинальная реформа всей системы здравоохранения. Соответствующий национальный проект – это не реформа здравоохранения. Это частные меры. Увеличение зарплаты врачей. Нужно? Нужно. Но нужно, чтобы вся система была по-другому построена. Тогда и врачи будут достойно зарабатывать, и их клиенты будут получать достойное медицинское обслуживание. А этого не произошло. Или покупка – очень часто, к сожалению, по завышенным ценам, как мы знаем даже по официальным данным и из тех же коррупционных скандалов, которые мы сейчас наблюдаем, – какого-то оборудования, медицинской техники. Нужно? Нужно. Но от того, что у нас в «Скорой помощи» появятся сто новых автомобилей, кардинально поменяется ситуация с медицинским обслуживанием населения? Нет, не поменяется. Нам нужно создавать другую систему здравоохранения, действующую по реальным страховым принципам, а не имитации их под названием «Фонд обязательного медицинского страхования». Нам нужно стимулировать развитие коммерческой медицины. Нам нужно стимулировать, чтобы человек сам страховал свое здоровье и свою жизнь, но при этом, чтобы его жулики не обирали, а чтобы он за это действительно имел возможность получать при необходимости адекватные услуги. Напри-

С женой Ланой в Адмирале, январь 2005 год

мер, отнес деньги в негосударственный пенсионный фонд или в медицинское страхование – давайте спишем все или часть из его налога, как во всем мире делается. Вот тогда мы будем стимулировать человека нести ответственность материально, а не только морально – за себя самого, что тоже очень важно. Не надеяться на дядю, то есть на государство, у которого никогда денег не хватит, несмотря ни на какие цены на нефть. А с другой стороны, должна быть такая налоговая система, которая будет стимулировать вывод зарплаты из тени, от чего соответственно и у государства появится больше денег.

– Я знаю, что Вы являетесь кавалером Золотого почетного знака «Общественное признание». Как Вы относитесь к деятельности общественных некоммерческих организаций?

– Очень хорошо отношусь. Я считаю, что это важный элемент гражданского общества. И очень печально, что сейчас последние изменения законодательства довольно жестко лимитируют и ограничивают деятельность некоммерческих организаций. Я, наоборот, считаю, что их деятельность должна всячески поощряться, в том числе и посредством налогов. Нигде, наверное, в мире нет такого, как у нас, что благотворительная деятельность вообще практически не поощряется. Ведь смехотворные 2–3 процента прибыли, на которые вас освободят от налога и то только в случае, если вы да-

руете деньги организации, состоящей в некоем утвержденном чиновниками списке.

– Андрей Алексеевич, возглавляемая Вами корпорация занимается благотворительностью?

– Занимается, хотя это же государственная компания, поэтому у нас все немножко сложнее. Многие решения нужно согласовывать с контролирующими нас чиновниками. Но, возвращаясь к общей теме: благотворительность должна, конечно, стимулироваться государством, в том числе и посредством налогов. Так происходит во всем мире. У нас этого нет. Другое дело, что должно очень жестко пресекаться казнокрадство и уклонение от налогов под предлогом благотворительных организаций, всякого рода национальных проектов, не путая их в данном случае с сегодняшними. К сожалению, общеизвестно, что и такие способы обворовывания государства под самыми благовидными предложениями практиковались. Например, вспомним один из таких проектов «Национальный фильм» – можно было жертвовать на съемки российских фильмов, уменьшая на эти пожертвования налогооблагаемую прибыль. «Откаты» там достигали 80 процентов. Именно это называется «уклонение от налогов». Эти вещи должны жестко пресекаться. Мне очень не нравится, что сейчас все больше разного рода общественных организаций торгует наградами. Я понимаю, что если государство не сти-

мулирует благотворительность, то у них и нет денег. Но давайте не проводить банкеты после каждого награждения, давайте сделаем награждения скромнее. Но когда мы вам вот какой-нибудь почетный знак, а вы нам за это 50 тысяч долларов – тогда это абсолютно девальвирует, конечно, идею любой общественной награды, премии и т.д. Я не думаю, что с этим надо бороться административно, но на уровне некоторого общественного осуждения и осуждения такого факта в средствах массовой информации – бороться просто необходимо.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее об Английском клубе, членом которого Вы являетесь, и особенно о бизнес-ложе? Какие Вами решаются вопросы? Принимают ли в заседаниях участие представители власти? Всегда ли получается конструктивный диалог?

– Чем шире и активнее будет диалог власти и бизнеса, тем лучше для обеих сторон. И для этого нужно использовать все возможности, все площадки. А их еще до сих пор недостаточно. И вот бизнес-ложу, которую я уже много лет возглавляю и органирую ее работу, я пытаюсь сделать одной из таких маленьких площадочек, приглашая туда людей, которые, действительно, принимают решения. Я уже даже не буду всех перечислять, кто у нас был в гостях за последние годы, но это многие руководители министерств, законодательной власти, крупных предпринимательских организаций или крупных компаний. Мы пытаемся все-таки этот диалог наладить практически. Кажется, что-то получается.

– Андрей Алексеевич, при столь высокой занятости остается ли у Вас свободное время на любимые занятия? Есть ли у Вас хобби?

– Надо максимально сократить безделье и сон, и вы будете все успевать. Для меня хобби то, что для многих являются основной работой. Это, например, ведение и создание передач на радио и телевидении, та же публицистика, которую я очень люблю, руководство аспирантами в качестве профессора. Это тоже требует, разумеется, и сил, и времени, и нервов, и мозгов, самое главное. Но для меня это одновременно переключение от финансов-банковских вопро-

С иконой: фамильной Нечаевской иконой благословляли еще бабушку Андрея

сов и в этом смысле как бы отдых. В целом у меня не бывает – или практически не бывает – пассивного отдыха. Я мало смотрю телевизор – только иногда новостные и какие-то аналитические программы. У меня и отдых созидательный. Например, я очень люблю копаться в саду, в огороде. Мне нравятся розы, которые я выращиваю; мне нравятся помидоры, которые я тоже выращиваю сам.

– **А какие Вам нравятся книги, что любите читать?**

– В последние 10–15 лет у меня произошла большая переоценка ценностей – мне стало, за небольшим исключением, менее интересно читать художественную литературу – по крайней мере, современную. Жизнь настолько богата реальными коллизиями, реальными проблемами, реальными драмами и столкновениями характеров, что когда это все носит такой немножко придуманный автором характер, то мне скучно. Поэтому мне гораздо интереснее читать мемуары, историческую литературу, хроники, какую-то аналитику, чем чисто художественную современную литературу. Я, например, никогда в жизни не увлекался детективами. Не захватило. Я могу сказать, что в молодости читал фантастику, но я не очень увлекался ею. Потому что, если выглянуть в окно – там все гораздо интереснее, чем эти искусственные похождения инопланетян, или наших сограждан где-нибудь на инопланетах. Мне кажется, интереснее реальная жизнь, и, соответственно, все то, что ее организует. Хотя, безусловно, я люблю русскую поэзию, русскую классику, очень люблю Булгакова. «В молодости» создал неплохой литературный запас. Пожалуй, неплохо знаю немецкую литературу: и 19 век, и немецких романтиков и авторов 10–30-х годов. Многих читал в подлиннике. Когда-то на одном дыхании прочитал «Унесенные ветром» Митчелл – культовую книгу американцев в 20 веке. Сейчас в отпуске с удовольствием почитал последние издания Г.Маркеса на русском.

У меня в прошлом году случился пожар в доме. К сожалению, сгорел и архив, и библиотека, которую и я и еще мои предки много лет собирали. У меня было больше 5 тысяч томов. Архив, видеохроники, фотографии – все сгорело. Шучу, что я теперь цело-

С внуком: Андрей старший и Андрей младший плюс семейный баловень йоркшир Пузлик.

век без истории. Клянчу у всех фотографии, видеозаписи. И плюс сгорел зимний сад, который я очень любил. Понемногу все восстанавливаю.

– **Как относитесь к спорту? Чем-нибудь увлекаетесь?**

– Сейчас я не занимаюсь никаким видом спорта. К сожалению, некоторое время назад я был тяжело болен и даже ходил с палочкой, поэтому трудно было себя представить на спортплощадке. Я очень люблю играть в большой теннис. Пока, увы, это невозможно. Но надеюсь, что мне удастся еще к этому увлечению вернуться. Я хорошо плаваю, когда-то занимался водным поло. Вот сейчас, не знаю, можно ли это считать спортом, я два раза в неделю по несколько часов занимаюсь дрессировкой своей собаки. Это тоже такой своего рода психологический поединок: ты дрессируешь собаку, а она пытается тебя.

– **Андрей Алексеевич, о чем Вы мечтаете? Есть ли у Вас заветная мечта?**

– О пенсии... Нет-нет, шучу, конечно. Но мне бы хотелось, чтобы у меня было больше свободного времени для тех дел, которые мне нравятся, я имею в виду: публицистику, журналистику. Конечно, я рад был бы больше читать, больше встречаться с друзьями, меньше заниматься делами. Я еще не поставил точку на своей политической карьере.

– **Каковы Ваши политические пристрастия?**

– Я сторонник демократических и либеральных ценностей, без радикализма. Здоровый патриот, который любит историю своей страны, просто любит свою страну. Я никуда из нее не собираюсь уезжать ни в каком варианте, никогда.

Сейчас вот меня пригласили, и я возглавил комиссию по поддержке предпринимательства Союза Правых Сил. Думаю, что буду участвовать в следующих думских выборах.

Когда меня только назначили в правительство, мне было 38 лет. По тем, после брежневским временам это было немного. Сейчас министры стали моложе, а в то время это было почти святотатство. И вскоре после моего назначения мы встречались с покойным ныне президентом Франции Ф.Миттераном. Он был удивлен моим юным видом и даже прямо спросил: «Сколько Вам лет?» Я ответил: «38». Он задумался и сказал: «А я первый раз стал министром в 35». Тогда спросил я: «А когда Вы стали в первый раз президентом?» «В 63 года». Я пошутил, что тогда у меня еще есть время. Он был в восторге от шутки и даже подарил мне свой личный портфель. Так что, у меня еще до сих пор есть время.

– **Андрей Алексеевич, спасибо Вам за интересный и откровенный разговор. Позвольте пожелать Вам исполнения всех желаний в новом году!**

Беседовала
Екатерина КОВАЛЕВА